
Маша
для
Медведя-
отшельника
18+
Рокси Нокс

Рокси Нокс

Маша для Медведя-отшельника

Серия «Сказочный Кавказ», книга 5

https://litres.ru/74703187
SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты дрожишь, девочка. Боишься меня?

— В поселке говорят вы медведь. Оборотень, который убивает людей.

Он шагнул ближе, нависая надо мной гранитной скалой. Его горячая, мозолистая ладонь легла мне на шею, заставляя замереть и судорожно выдохнуть.

— Слухи не врут. Но тех, кого впустил в дом, я не рву. Я их присваиваю.

Меня бросили в глухом кавказском лесу умирать. Холод, тьма и жуткие легенды о звере-людоеде преследовали меня полночи.

Когда я из последних сил постучала в темную избу, дверь открыл он.

Настоящий великан с диким взглядом исподлобья. Опасный. Угрюмый. Бородатый.

Он спас меня от холода. Отогрел у своего огня и взял так, как берут единственный раз в жизни.

И если брат снова придет забирать мою жизнь, мой лесной Медведь покажет, что бывает с теми, кто трогает его женщину.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 29
Глава 5 35
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Рокси Нокс
Маша для Медведя-отшельника

Глава 1

— Данис, стой. Здесь даже тропы нет. Куда мы идем?

Я споткнулась о замшелый корень, едва удержав равновесие, и больно стесала ладонь о шершавый ствол пихты. Под ногами хлюпнула мокрая хвоя. Сырой горный холод моментально пробрался под тонкую куртку, обжигая поясницу.

Сводный брат даже не обернулся. Он шагал впереди — широкий, уверенный в себе, в новых трекинговых ботинках.

— Тут срежем, Маш. До поляны всего километр по хребту. Покупатель нас на развилке ждет. Я же объяснял: мужик с деньгами, инвестор под глэмпинг. Готов прямо сегодня три миллиона задатка наличными выложить за этот дурацкий кусок земли. Но требует лично сверить границы участка и подписать предварительный договор на месте. Ты главная наследница, без твоей подписи он денег не даст. Хочешь закрыть долги и не влезать в кредиты — шевели ногами, пока он не передумал и не уехал.

Я выдохнула облачко пара и глянула на экран телефона.

«Нет сети». И батарея — жалкие семь процентов.

С самого выезда из города меня не отпускало нехорошее предчувствие. Смерть родителей в аварии случилась всего пять месяцев назад. Я еще не научилась спать без снотворного, не привыкла к тишине в пустой трехкомнатной квартире, а банковские счета отца заблокировали до вступления в наследство. Денег катастрофически не хватало даже на оплату коммуналки и юристов.

А Данис — сын отчима — объявился на девятый день с папкой документов, приторно-заботливой улыбкой и предложением: «Машуль, давай я все оформлю сам, тебе сейчас не до этого».

Сегодня он вытащил меня сюда, в глухие предгорья, ради этого «срочного задатка».

— Дальше обрыв, — я остановилась, упершись взглядом в серую каменную осыпь. Лес вокруг казался чужим, глухим и давящим. Вековые сосны закрывали небо, оставляя внизу только серые, густые сумерки. — Данис, никакой покупатель в здравом уме сюда не полезет. Давай вернемся к машине. Темнеет. В поселке у заправки мужики говорили, что в это ущелье вообще соваться нельзя.

Брат наконец остановился. Медленно повернулся ко мне.

На его лице появилась усмешка. Он сунул руки в карманы куртки и смерил меня взглядом с головы до ног.

— Про медведя-шатуна байки травили? Который туристов дерет?

— Про отшельника какого-то… оборотня. Не знаю, не важно. Поехали назад. Если твой инвестор реальный — встретимся завтра в поселке в кафе.

— Не встретимся, Маш, — Данис сделал шаг назад, отступая к пологому склону, откуда мы только что спустились. — Ты никуда не поедешь. И послезавтра тоже. Нет никакого покупателя.

Воздух в легких будто заледенел.

— Что ты такое говоришь?

— Мой отец оставил все тебе. До копейки. Квартиру, две машины, коммерческие счета. А мне что? А мне хер, — в его голосе слышалась неприкрытая, злая зависть. — Я пять лет горбатился на его фирме, пока ты в своем институте ромашки рисовала. Справедливости мне что-то захотелось.

— Данис, мы же договорились поделить поровну… Я сама сказала нотариусу…

— Ты глупая, сестренка, — он презрительно скривил губы. — «Поровну»… Зачем мне половина, если можно забрать все? Через полгода тебя признают пропавшей без вести при несчастном случае в горах. Пошла гулять, сорвалась в расселину, растерзали дикие звери. А я — единственный оставшийся родственник. Все чисто.

Я дернулась вперед, но Данис резко выставил руку, сжимая в кулаке мой маленький рюкзак с паспортом и карточками, который сам нес всю дорогу:

— Стоять.

— Отдай вещи! Там ключи, документы… Данис, ты с ума сошел?! Мы же семья!

— Да никогда мы не были семьей, — хмыкнул он и швырнул рюкзак куда-то вниз, в каменистый распадок.

Я вскрикнула, метнулась к краю, а когда подняла голову — Данис уже ловко взбирался по камням обратно к гребню.

— Данис! Стой! Здесь связь не ловит! Данис!

— Ночью здесь минус десять, Машенька, — долетел сверху его насмешливый голос. — Если замерзнешь — не почувствуешь даже ничего, говорят, просто засыпаешь. А если Хозяин ущелья найдет… ну, значит, судьба у тебя такая.

Шорох гравия. Треск ломающихся веток. А потом — хлопок автомобильной двери где-то далеко наверху, на старой грунтовке, и глухой рокот заведенного мотора. Звук нарастал, отдаляясь, пока окончательно не растворился в тяжелом шуме сосновых крон.

Тишина.

Абсолютная горная тишина, от которой заложило уши.

— Нет… нет-нет-нет, — прошептала я, судорожно вцепившись пальцами в воротник куртки.

Колени подогнулись, и я рухнула на влажный мох. Дыхание перехватило спазмом, слезы брызнули из глаз, обжигая щеки и тут же превращаясь в ледяные дорожки.

Соберись! Если останешься сидеть — точно конец!

Я вытерла лицо рукавом, поднялась и огляделась.

Темнота на Кавказе падает быстро, будто кто-то накрыва-

ет горы черным шерстяным платком. Деревья вытянулись, превращаясь в зловещие тени. Ветер завыл между каменных зубцов, и этот звук был слишком похож на протяжный, голодный вой.

Где-то в чаще громко хрустнула толстая ветка.

Я замерла, не смея вздохнуть. Это явно не птица, а кто-то тяжелый и массивный ступал по мерзлой земле, уверенно сминая подлесок.

«Здесь медведь живет. Не человек — зверь. Людоед…» — всплыли в памяти слова таксиста у развилки.

Сердце заколотилось прямо в горле, выбивая бешеный ритм. Забыв про боль в ногах, не разбирая дороги и ежесекундно рискуя сорваться с мокрых камней, я бросилась вглубь леса — туда, где между черными стволами мелькнул слабый, едва различимый просвет.

Не помню, сколько я бежала. Вылетела на крутой склон, не удержалась на мокрой глине и покатилась вниз, сдирая джинсы на коленях и беззвучно хватая ртом ледяной воздух. С размаху врезалась плечом во что-то деревянное, пахнущее смолой и старой гарью.

Бревно.

Я замерла на четвереньках, судорожно втягивая носом воздух. Передо мной из темноты выросла изба. Приземистый сруб, вросший в скалу под нависшим каменным козырьком. Без резных наличников, без крыльца, с узкими окнами-бойницами, затянутыми мутным стеклом.

Одно окно тускло светилось изнутри дрожащим рыжеватым пятном. Огонь. Там кто-то живет!

Пальцы уже онемели от холода, мелкая дрожь колотила все тело так, что зубы стучали с сухим пулеметным звуком. На миг мелькнула паническая мысль: «Кто может жить в такой глуши? Нормальный человек сюда не заберется».

Но морозная мгла за спиной снова шевельнулась — где-то в сотне метров треснул валежник. Зверь шел по моему следу.

У меня не было выбора.

Я с трудом поднялась на негнущихся ногах, шагнула к двери из дубовых плах и изо всех сил забарабанила по дереву кулаком.

— Пожалуйста! — голос сорвался на сиплый писк. — Помогите! Кто-нибудь… откройте!

Звук ударов потонул в вое ветра. Внутри было тихо.

Я занесла руку снова, чтобы ударить еще раз, но железо засова с той стороны вдруг глухо лязгнуло. Дверь подалась наружу, протяжно скрипнув коваными петлями, и меня окатило густой волной тепла: смолистым дымом, сушеными горькими травами и запахом свежевыделанной кожи.

А в проеме возник он.

Я инстинктивно отшатнулась назад, споткнулась и едва не осела на ледяные камни, забыв, как дышать.

Он был не просто большой — он занял собой весь дверной проем от косяка до косяка. Настоящий исполин с густой

черной бородой. В свете керосинки, горевшей за его спиной, мужчина казался монолитной каменной глыбой. Широченные плечи, обтянутые грубым, темно-серым шерстяным свитером крупной вязки, тяжелые руки с бугристыми венами.

Медведь. Оборотень. Людоед.

Бред, передо мной стоял настоящий человек!

— Я… я заблудилась, — еле выдавила из себя. — Меня бросили… Пожалуйста, не трогайте. Я просто… воды… и погреться…

Голос окончательно пропал. Я стояла перед ним, мелкая, растрепанная, в перепачканной мокрой куртке, готовая к тому, что эта железная рука сейчас просто схватит меня за шкирку и затащит в дом.

Но хозяин сруба не шелохнулся. Он молча сканировал меня долгих пять секунд. Его взгляд скользнул по моим грязным коленям, по дрожащим синим губам, по мокрым светлым волосам, прилипшим к щекам.

Никаких лишних вопросов вроде «Кто ты?» или «Откуда здесь девчонка?» он не задавал.

Мужчина плавно отступил на шаг в глубину избы, освобождая проход.

— Заходи, — его голос оказался низким и рокочущим, как камнепад в ущелье, от которого глухо завибрировало где-то в грудине. — Гостьей будешь. Не обижу.

Я медлила секунду, скованная ужасом.

Мужчина нахмурился, в глазах мелькнуло раздражение:

— Стоять будешь — окончательно околеешь. Дверь закрывай, избу выстудишь.

Я переступила порог на ватных ногах. За спиной тяжело бухнула дубовая створка, отрезая ночь, холод и рыскающего по лесу зверя. Засов встал на место с тяжелым металлическим щелчком.

И я осталась один на один с угрюмым отшельником из Медвежьего Яра…

Глава 2

Я замерла у входа, боясь шелохнуться. Воздух здесь густой, терпкий, пропитанный березовым дымом, сухой полынью, звериным жиром и еще чем-то тяжелым, сугубо мужским.

Низкий потолок из почерневших бревен, на грубо отесанных стенах — пучки высушенных трав, глиняная посуда, старый охотничий карабин на кованых крючьях и пара широких кавказских кинжалов в потертых ножнах.

Каждая деталь кричала: здесь живет человек, привыкший выживать в одиночку и никого не ждущий.

— Проходи к печи, — бросил мужчина через плечо, даже не глядя на меня. Он уже шагнул к столу и снял с крюка закопченный чайник.

Я сделала несмелый шаг вперед по грубому дощатому полу — и тут же оступилась.

— Ай! — вскрик вырвался сам собой.

Правая щиколотка, которую я подвернула еще на склоне, отозвалась резкой, стреляющей болью. В лесу на диком адреналине я ее почти не замечала, но в тепле ногу будто ошпарило кипятком. Колено подогнулось, и я едва не завалилась на бок, судорожно ухватившись за угол деревянной лавки.

Хозяин избы медленно развернулся.

Его немигающий взгляд пригвоздил меня к полу. В полу-

мраке его карие глаза казались почти черными, а из-за густой бороды и массивного подбородка выражение лица оставалось абсолютно непроницаемым.

— Нужно осмотреть ногу, — ровно произнес он.

— А что?.. Зачем? — я испуганно вжалась спиной в шершавый край лавки, инстинктивно поджимая больную ногу под себя.

— Ты повредила сустав. Я посмотрю.

Мужчина подошел ближе и опустился перед лавкой на одно колено. Даже сидя он оставался на уровне моих глаз, пугая своей исполинской мощью.

— Садись, — скомандовал он коротко.

Я послушно опустилась на лавку, сжав пальцы на деревянном крае до белых костяшек.

Отшельник протянул руку — его широкая, огрубевшая ладонь с коротко остриженными ногтями и старыми белыми шрамами на костяшках казалась просто гигантской по сравнению с моей ногой. Он осторожно взялся за мокрые шнурки кроссовка.

Я затаила дыхание, внутренне сжавшись в ожидании рывка, но движения мужчины были точными и поразительно бережными. Он стянул обувь, а следом и носок.

Моя посиневшая от холода ступня легла прямо в его горячую ладонь. Кожа к коже.

От этого контраста по позвоночнику пробежала обжигающая волна. Его пальцы были жесткими, шершавыми, как

кора дуба, но в них чувствовался такой бешеный запас скрытой силы, что у меня перехватило дыхание. Мужчина слегка повернул мою щиколотку, и я тихо охнула, зажмурившись.

Он нахмурился, разглядывая багрово-синий отек, уже наливающийся вокруг сустава.

— Перелома нет, — вынес он вердикт, не поднимая головы. — Сильное растяжение. Связки целы, но наступать дня три не сможешь.

Он поднялся, подошел к навесной полке и достал оттуда темную глиняную баночку. Вернувшись, зачерпнул пальцами густую, резко пахнущую хвоей и терпким звериным жиром мазь.

— Будет жечь, — предупредил он низко.

Когда его пальцы снова легли на мою щиколотку, я вздрогнула. Мужчина начал втирать снадобье в распухшую кожу.

Острая боль почти сразу сменилась пульсирующим жаром. Я смотрела на его склоненную голову, на жесткие смоляные волосы, на мощную шею, обтянутую шерстью свитера, и внутри все сжималось от странного, почти гипнотического трепета.

Опасный, угрюмый дикарь, запершийся от людей среди глухих скал, сейчас бережно врачевал мою ногу.

Закончив, он вытер руки холщовой тряпкой, поднялся во весь свой пугающий рост и шагнул к печи.

Через минуту передо мной на столе стукнула тяжелая жестяная кружка, от которой валил пар с густым ароматом ча-

бреца и мяты, а следом опустилась деревянная дощечка с тонкими, почти черными ломтями вяленого мяса.

— Пей. Горячо. Мясо жуй, силы нужны.

— Спасибо… — едва слышно выдавила я, обхватив ледяными ладонями обжигающий бок кружки.

Он ничего не ответил. Сел напротив, на другой конец стола, прислонился широкой спиной к бревенчатой стене и скрестил руки на груди.

В избе повисла плотная тишина. Слышно только, как в печи потрескивают поленья, да за толстыми стеклами бесновался горный ветер.

Я сделала обжигающий глоток отвара. Сердце все еще колотилось о ребра, но паника первых минут постепенно отступала.

— Данис… Мой сводный брат, — заговорила я первой, не выдержав этого давящего молчания. Голос прозвучал сипло и неловко. — Он бросил меня там, на гребне. Сказал, что все наследство должно достаться ему. И рюкзак мой швырнул вниз, в каменистый распадок. Там паспорт, карточки, телефон… все. Недалеко от старой сосны над обрывом, где тропа обрывается осыпью.

Мужчина даже бровью не повел. Только желваки на его челюсти едва заметно дернулись под бородой.

— Знаю то место. Волчья щель, — глухо отозвался он. — Завтра на рассвете спущусь. Если не унесло ручьем — достану.

Я опешила. Меньше всего я ждала от этого нелюдимого великана готовности лезть на опасные камни ради чужих вещей.

— Почему вы мне помогаете? — вырвалось у меня раньше, чем я успела подумать.

Мужчина медленно перевел на меня тяжелый взгляд янтарных глаз, и в них блеснула холодная усмешка.

— Не люблю гостей, — отрезал он, словно припечатал камнем. — И женщин в своем доме не держу. Чем быстрее найду твои документы и поставлю тебя на ноги — тем быстрее ты отсюда уберешься.

От его неприкрытой прямоты краска бросилась мне в лицо. Но обижаться было глупо — он имел полное право вообще выставить меня на мороз.

— А… где я нахожусь? — огляделась по сторонам, чувствуя, как по спине снова ползет знакомый холодок. — Как называется это место?

— Медвежий Яр.

У меня внутри все оборвалось.

Медвежий Яр.

Кружка в пальцах предательски дрогнула. Господи… Когда родители были еще живы, мы каждое лето приезжали в предгорья — в поселок к матери моего отчима.

Бабушка всегда строго-настрого запрещала местным даже смотреть в сторону Черного хребта. Она шепотом рассказывала жуткие истории про это место. Говорят, там хозяйни-

чает оборотень — безжалостный дух, принявший образ гигантского зверя.

Данис завел меня не просто в глушь. Он привел меня в самое гиблое урочище Кавказа, откуда живым никто никогда не возвращался. Он шел наверняка, обрекая меня на верную смерть.

Я украдкой покосилась на сидевшего напротив великана.

Конечно, сказки про оборотней — бред для суеверных. Скорее всего, этот человек бывший егерь или охотник, сбежавший от людей в глухую чащу. Может быть, у него проблемы с законом…

Но глядя на его разворот плеч, на звериную бесшумность движений и этот нечеловечески тяжелый, гипнотизирующий взгляд, я каждой клеточкой кожи чувствовала: этот мужчина опаснее любого дикого зверя.

И прямо сейчас я была целиком в его власти.

Глава 3

Мужчина поднялся со своего места. Подошел к широкому топчану у дальней стены, застеленному грубыми овечьими шкурами, и кивнул мне:

— Ложись. До утра далеко.

Я нервно сглотнула и крепче вцепилась пальцами в остывающую жестяную кружку:

— Нет, я… я не буду спать. Посижу здесь, у печи. А на рассвете пойдем вместе к расщелине. Я покажу точное место, где Данис стоял.

В полумраке блеснули его белые, крепкие зубы — мужчина коротко, беззвучно усмехнулся в бороду. Этот снисходительный смешок задел меня за живое, но вслух он не сказал ни слова. Лишь молча смерил взглядом мою перебинтованную распухшую ногу, будто напоминая: «Куда ты собралась, калека?».

Но спорить не стал. Стянул сапоги, бросил на лавку старый тулуп из овчины и лег на топчан лицом к стене. Спустя пару минут его дыхание стало глубоким, ровным и размеренным.

Уснул. Или сделал вид.

Я осталась сидеть на жесткой деревянной лавке, подтянув к груди здоровую ногу и обхватив колени руками. Веки наливались свинцом, глаза жгло от сухого жара печи, но я упорно

заставляла себя бодрствовать. Доверять незнакомцу из дикого леса, от которого за версту веяло первобытной угрозой, было безумием.

«Только не спать. Дождаться утра. Забрать рюкзак и уговорить его вывести меня к трассе…»

Перед глазами все плыло: пляшущие багровые отблески пламени, пучки полыни под потолком, темная широкая спина спящего отшельника…

***

Разбудил меня шорох.

Я распахнула глаза, мгновенно вынырнув из душного забытья, и дернулась. Спина и шея затекли от неудобной позы, а подвернутая нога пульсировала тупой, ноющей болью — правда, уже не такой адской, как вчера. Снадобье подействовало.

В узкие окна-бойницы бил холодный утренний свет. На дворе был разгар утра.

У порога спиной ко мне стоял хозяин избы. Он уже был полностью собран: плотная брезентовая штормовка, высокие охотничьи сапоги, на поясе — тяжелый нож в кожаных ножнах.

Но взгляд мой приковало другое.

В его широких мозолистых ладонях мелькала толстая, просмоленная альпинистская веревка. Он ловко, привычными скупыми движениями скручивал ее в тугие кольца, укладывая моток через плечо.

Сердце пропустило удар и заколотилось где-то у горла. Я смотрела на эти узлы и петли широко распахнутыми глазами, чувствуя, как липкий утренний холод ползет под свитер. Память услужливо подкинула: глушь, одинокая изба, зверь-людоед… Веревка. Зачем она ему? Связать меня, пока я беспомощна?

Я попыталась скрыть накатившую панику, вжалась в угол лавки и подобрала под себя ноги.

Мужчина обернулся. Его янтарно-карие глаза моментально зацепили мой остекленевший взгляд, прикованный к его рукам. На лице отшельника не дрогнул ни один мускул, только брови слегка сдвинулись к переносице:

— В Волчью щель без страховки не сунешься, — бросил он сухо, словно отчитывал несмышленого ребенка. — Понадобится в деле. Твой рюкзак доставать.

Я шумно выдохнула, чувствуя, как горячая краска стыда заливает щеки. Он все понял. Прочитал мой страх, как раскрытую книгу.

— А я?.. Мы же договаривались вместе… — попыталась возразить, привставая на здоровой ноге.

— Сиди, — отрезал он властно, и в его голосе не было места сомнениям. — С твоей ногой только по скалам ползать. Завтрак на столе. Ешь. К полудню вернусь. Дверь изнутри не трогай, засов тяжелый.

Не успела я открыть рот, как дубовая створка распахнулась, впустив клуб морозного пара, и тут же захлопнулась за

его широкой спиной.

Он ушел. Один.

— Ну и пожалуйста, — буркнула я в пустоту, сердито смахнув со лба светлую прядь.

Осторожно опустила правую ногу на пол. Хромая и придерживаясь за бревенчатые стены, я добралась до стола.

На столе ждал «завтрак»: снова те самые темные ломтики жесткого вяленого мяса и глиняная кружка с остывшим, терпким травяным настоем.

Я тяжело вздохнула. Ни кофе, ни привычной овсянки, ни тоста с сыром. Спартанский паек лесного жителя. Пришлось жевать солоноватое, сухое мясо, запивая горьким чаем.

Прошел час. Потом еще один.

Тишина в доме сводила с ума. Не было ни тиканья часов, ни звука уведомлений — мой телефон остался на дне ущелья, а здесь даже радиоприемника не водилось.

За окнами шумели верхушки сосен. Одиночество давило на виски, а неизвестность выматывала хуже любой физической боли. Что, если он не найдет рюкзак? Что, если сумку унесло горным потоком? Как я выберусь отсюда без копейки и паспорта? Что замышляет Данис?

Сидеть на месте стало невыносимо.

Любопытство и тревога подняли меня с лавки. Прихрамывая, я побрела осматривать свое временное пристанище. Вчера в темноте я мало что разглядела, но теперь солнечные лучи высвечивали каждую щель.

Все здесь было сделано добротно, на века. Стол и лавки были вытесаны из цельных стволов, посуда из обожженной глины, печь сложена из дикого речного камня. Ни одной фотографии на полках. Ни единой вещи, которая выдавала бы, кем этот человек был до того, как замуровал себя в глухом урочище. Ни писем, ни книг, кроме старого потрепанного ботанического справочника.

В дальнем углу, за занавеской из грубой холстины, обнаружилась низкая деревянная дверь. Без замка, лишь на кованом крючке.

Сердце предательски екнуло.

«Не лезь, Маш. Он велел сидеть на месте».

Но рука уже сама потянулась вперед. Пальцы подцепили холодное железо крючка. Петли едва слышно скрипнули, и дверь подалась в темный, холодный чулан или кладовую. Окон там не было, царил густой полумрак, сквозь который едва пробивался свет из основной комнаты. Пахло пылью, сухой травой и… старой звериной шерстью.

Я сделала несмелый шаг через порог, щурясь и пытаясь разобрать очертания предметов.

И тут же оцепенела.

Из темноты прямо на меня надвигалась темная туша.

Огромная бурая пасть была оскалена в беззвучном яростном рыке, обнажая желтые клыки размером с палец. Мощные передние лапы с загнутыми, блестящими когтями замерли в замахе, готовые разорвать плоть в клочья. А стеклян-

ные, неживые глаза смотрели прямо мне в душу — голодные и свирепые.

Чучело медведя стояло на задних лапах, готовое к смертельному броску. Оно выглядело настолько пугающе живым, что мой воспаленный страхом мозг не стал разбираться в деталях.

— А-а-а-а-а! — истошный, дикий визг разорвал тишину избы.

Забыв про растянутые связки, я отшатнулась назад, сбила плечом дверной косяк и кубарем выкатилась обратно в комнату. В висках стучала одна мысль: бежать. Прочь от этого чудовища, прочь из этой проклятой избы!

Я рванула к выходу и толкнула дверь.

Холодный горный воздух ударил в разгоряченное лицо.

Спотыкаясь, я метнулась в сторону кромки леса и рухнула за ствол вековой, замшелой сосны, судорожно вжавшись спиной в шершавую кору.

Сердце колотилось в ребра так, словно хотело пробить грудную клетку.

«Это он. Господи, это правда он…»

Перед глазами все еще стояла эта жуткая оскаленная пасть, блестящие желтые клыки и когтищи, способные одним ударом снести человеку голову.

Бабушкины сказки в поселке. Старые суеверия, над которыми мы с местными девчонками смеялись каждое лето. «В Медвежьем Яру живет оборотень. Днем ходит мужчиной, а

по ночам зверя выпускает…»

Какое к черту чучело?! Зачем нормальному человеку держать в запертом чулане монстра?! Он не охотник. Не егерь. Это ожившая, проклятая легенда. И я провела с ним целую ночь под одной крышей!

Меня затрясло крупной, неуправляемой дрожью. Нужно бежать. Прямо сейчас, пока его нет. Куда глаза глядят — вниз по распадку, по руслу ручья, к людям, к любой цивилизации, лишь бы подальше от этой проклятой избы.

Я сделала судорожный вдох — и тут же зашлась беззвучным кашлем.

Холод.

Безжалостный, пронизывающий до костей высокогорный холод. Я выскочила на улицу в одном тонком хлопковом свитере, без теплой куртки, даже без обуви на больной ноге — перевязанная щиколотка была в одном шерстяном носке, который моментально намок от снежной кашицы.

Зубы начали отбивать дробь, пальцы на руках за считанные секунды побелели и перестали слушаться.

«Я не дойду. До поселка километры непроходимого леса и скал. Через полчаса просто упаду в сугроб и замерзну насмерть».

Паника душила, но остатки разума отчаянно цеплялись за жизнь.

Моя теплая куртка осталась висеть на кованом гвозде прямо у входа, рядом с тяжелой дверью. И мои кроссовки там

же, у порога. Если я просто проскользну внутрь, схвачу вещи и сразу назад…

«Он ушел в Волчью щель. Он вернется только к полудню. У меня еще есть время!»

Я сжала кулаки, заставляя себя унять скулеж, рвущийся из горла. Выглянула из-за ствола сосны. Поляна была пуста. Лишь верхушки сосен шумели на ветру, да распахнутая дверь избы зияла темным, зловещим провалом.

Стараясь не наступать на пятку, я бесшумно скользнула по снегу обратно к дому.

В избе было тихо, душно и по-прежнему пахло звериным жиром.

Я даже не смотрела в сторону проклятого темного чулана. Не смела повернуть головы. Взгляд лихорадочно шарил по прихожей: вот она, куртка!

Пальцы вцепились в плотную ткань, сдернули ее с гвоздя. Второй рукой я торопливо сгребла свои утепленные кроссовки, прижимая все к груди, как драгоценность.

«Все. Уходить отсюда. Быстро!»

Не сводя безумного взгляда с темного угла, где за занавеской прятался зверь, я начала пятиться спиной к выходу. Шаг. Еще шаг. Холодный воздух с улицы уже овевал шею, свобода была в двух сантиметрах…

Я сделала последний шаг назад за порог — и со всего размаху впечаталась лопатками во что-то неподвижное и обжигающе горячее.

Воздух вышибло из легких. Кроссовки с глухим стуком выпали из онемевших пальцев на пол.

Сзади раздалось тяжелое, размеренное дыхание, шевельнувшее волосы на моей макушке.

Он вернулся.

Оборотень в человечьем обличье стоял вплотную за моей спиной…

Глава 4

Воздух застрял в горле.

Я стояла спиной к нему, намертво вжавшись лопатками в его каменную грудь, и чувствовала, как от его тела исходит жар.

— От чего бежишь? — раздался над самым моим ухом низкий, вибрирующий голос.

От этого звука у меня по коже пробежали крупные мурашки. Я медленно, с трудом сдерживая дрожь в коленях, обернулась. Мужчина возвышался надо мной, заслоняя свет. Лицо строгое, скулы словно топором вытесаны, в темной бороде запутались колючие хвоинки, а в янтарно-карих глазах плескалась непроницаемая глубина.

— Я… просто… — заикнулась я, судорожно прижимая к груди куртку. Пальцы одеревенели от холода и страха.

Он наклонил голову, рассматривая меня сверху вниз:

— Ты дрожишь. Боишься меня, девочка?

Сердце колотилось так, что удары отдавались в висках. Терять было нечего. Я вскинула подбородок и выпалила то, что жгло изнутри:

— В поселке говорят… вы медведь. Оборотень, который убивает людей!

На его губах не дрогнул ни один мускул. Он медленно поднял руку. Широкая, тяжелая, горячая и шершавая, как на-

ждак, ладонь легла мне на шею сбоку, обхватив горло — не сдавливая, но лишая всякой возможности дернуться. Кончики его пальцев коснулись пульсирующей жилки под челюстью.

Я замерла, судорожно втянув ртом воздух.

— Слухи не врут, — пророкотал он, глядя мне прямо в глаза немигающим взглядом. — Но тех, кого впустил в дом, я не рву. Я их присваиваю.

— Ч-что… это значит? — выдохнула я, чувствуя, как жар от его пальцев обжигает кожу до мурашек.

Внутри все перевернулось. Мне отчаянно хотелось верить, что он просто издевается, глупо и жестоко шутит над перепуганной городской девчонкой. Но на его суровом лице не было и намека на улыбку. Он был пугающе серьезен.

Мужчина убрал руку с моей шеи, шагнул мимо меня к ступенькам крыльца и сбросил с плеча тяжелую альпинистскую веревку:

— Я рюкзак не поднял. Зацепился за острый выступ на осыпи, руками не дотянуться. Завтра еще пойду, крюк нужен.

«Да бог с ним, с этим рюкзаком!»— панически забилось у меня в голове. Плевать на паспорт, на деньги, на чертовы документы! Главное — ноги отсюда унести живой. Он ведь даже не стал отрицать, что оборотень. Сказал «присваиваю». Ой, мамочки…

Отшельник повернулся ко мне, смерив меня взглядом:

— Так что придется потерпеть тебя еще какое-то время. Будешь моей Машей.

Я вся подобралась, отступая на шаг:

— Откуда… откуда вы знаете мое имя?!

Мужчина на секунду приподнял бровь, и в глубине его глаз мелькнула едва заметная насмешка:

— Сказка такая есть: «Маша и медведи». Не слышала?

— Я не хочу быть вашей! — выкрикнула я с отчаянием, сжимая куртку до хруста швов. — Не хочу! Отпустите меня, пожалуйста! Слышите? Отпустите!

Он посмотрел на меня с искренним недоумением, даже развел широкими руками:

— Да я тебя не держу. Хочешь — иди.

Я недоверчиво уставилась на него. Не верила своим ушам. Он не бросился на меня, не схватил за шкирку, не запер на засов. Он просто стоял и спокойно на меня смотрел.

Я сделала один осторожный шаг назад, не спуская с него глаз. Хозяин избы не шелохнулся. Я сделала второй шаг. Третий. Развернулась и, припадая на больную ногу, торопливо заковыляла в сторону кромки леса, надеясь поскорее скрыться за соснами.

Сзади захрустели ветки.

Я резко затормозила и обернулась. Он шел следом! В двух метрах за моей спиной, засунув руки в карманы плотной штормовки, ступая бесшумно и неотвратимо, как тень.

— Зачем вы следуете за мной?! — вскрикнула я, пятясь.

— Провожаю тебя, — ровно отозвался он. — Места здесь дикие.

— И вы… тоже дикий!

Мужчина спокойно кивнул:

— Одичал, да. Семь лет людей не видел, отвык.

Я судорожно выдохнула, обхватив себя руками за плечи. Морозная сырость пробирала до костей, но страх перед ним был сильнее холода.

— А имя у вас есть… человеческое, господин медведь?

Отшельник замер. На его лице промелькнула тень — глубокая, горькая, словно он вытаскивал это слово из-под тяжелого могильного камня. Помолчав несколько секунд, он глухо произнес:

— Махар.

— Что?

— Махар мое имя, — повторил он тверже.

— Маша… — машинально отозвалась я, уже не понимая, зачем представляюсь.

— Знаю, что Маша, — хмыкнул Махар и тут же посерьезнел, припечатав меня взглядом: — Не дури. Возвращайся в избу. Заболеешь, опять лечить придется.

— Не могу! — я замотала головой и отчаянно закусила нижнюю губу, чувствуя, как на глаза наворачиваются злые слезы бессилия. — У вас там…

Махар прищурился, глянул в сторону дома и вдруг все понял:

— В чулан ходила?

— Там у вас… чудовище! — выпалила я, с содроганием вспоминая оскаленные желтые клыки и занесенные лапы.

— Мертвое чудовище, — с нажимом произнес он. — И нет, девочка, я не влезаю в его шкуру по ночам. Как тебе только такое в голову могло прийти?

— Но зачем… зачем нормальному человеку хранить в доме чучело медведя?! — мой голос дрожал.

Махар помрачнел. Его взгляд опустился, став тяжелым, словно свинцовым, а черты лица окаменели.

— Чтобы помнить… — произнес он так тихо и глубоко, что у меня перехватило дыхание от внезапной тоски в его голосе.

— Помнить что?

Махар не ответил. Он резко вскинул голову к небу, принюхался к ветру, и его ноздри дрогнули.

Верхушки вековых сосен вдруг тревожно зашумели, сгибаясь под налетевшим резким порывом. Солнце, еще минуту назад слепившее глаза, мгновенно утонуло в серой, налитой свинцом пелене, выползающей из-за хребта. Запахло сырым, тяжелым снегопадом.

— Стой! — рявкнул Махар, и в его голосе зазвенела жесткая сталь. Он сделал ко мне быстрый шаг и схватил меня за плечо. — Нужно возвращаться. Погода изменилась. Буран идет. Поворачивай обратно. Живо!

Глава 5

Махар буквально втолкнул меня в избу, шагнул следом и навалился на дверь плечом. Вскоре снаружи со стоном завыл ветер, и в бревенчатые стены с размаху ударила снежная крупа. Белый морок за мутными стеклами стер и вековые сосны, и скалы, и тропу.

Теперь, когда первый шок чуть схлынул, я понимала, почему у меня сорвало крышу. Обычное охотничье чучело не напугало бы меня до визга — в краеведческих музеях я видела их десятки. Но *то*в чулане… от него не пахло нафталином и музейным клеем. От него разило сырой землей, застарелой звериной кровью и звериным духом — так, наверное, пахнет медвежья берлога, из которой хозяин вышел всего пару минут назад. Еще мне казалось, что медведь смотрел прямо на меня, и его шерсть шевельнулась.

Даже если Махар не превращался в волка или медведя при луне мужчина, мужчина, который годами живет в глуши, опасен для невинной девы. У него внутри выжженная пустота, и бог знает, на что он способен.

Махар сбросил штормовку на лавку. Он молчал. Прошел к печи, снял чугунную заслонку и подбросил в огонь два тяжелых березовых полена. Багровые отблески пламени скользнули по его широкой спине, заиграли на узловатых мышцах рук.

Тишина в доме давила сильнее воя бурана.

— Кто вы? — тихо спросила я, с трудом сглотнув ком в пересохшем горле. — Расскажите мне. Зачем вы здесь?

Махар замер. Кочерга в его пальцах сжалась так, что костяшки побелели. Он медленно повернулся ко мне. В полумраке его глаза казались двумя раскаленными углями — тяжелыми, колючими, полными застарелой, невыплаканной горечи.

— Тебе мало бед на сегодня, девочка? — его голос прозвучал глухо, словно из-под земли. — Меньше знаешь — крепче спишь.

— Я не смогу уснуть, — упрямо вскинула подбородок, хоть голос предательски дрожал. — Я боюсь вас. Вы спасли меня, подлечили ногу, пошли за моим рюкзаком… а потом я вижу… это в чулане. Вы не похожи на обычного егеря. Пожалуйста. Скажите правду.

Его взгляд скользнул по моему бледному лицу, по растрепанным светлым косам, по плечам, которые все еще подрагивали от пережитого холода.

— Хочешь правду? — медленно произнес он, и в воздухе повисло густое, плотное напряжение. — Хорошо. Я расскажу. Но не за просто так.

— О чем вы? — насторожилась я, инстинктивно вжимаясь в угол.

— Ты пойдешь мне навстречу. Снимешь с себя всю одежду. Всю, до нитки.

Воздух в легких заледенел.

— Ч-что?.. — у меня перехватило дыхание, а кровь с оглушительным шумом прилила к щекам.

— Снимешь вещи и ляжешь рядом со мной на топчан, — невозмутимо продолжил Махар, и на его суровом лице не дрогнул ни один мускул. — Будешь гладить меня по спине, кожа к коже, пока я говорю. Моему зверю внутри… нужно успокоиться. Семь лет тишины даром не проходят. Мне нужно почувствовать, что ты здесь, живая и настоящая. Поэтому без тряпок.

— Да как вы… как вы смеете?! — взорвалась я, задыхаясь от стыда и возмущения. — Вы за кого меня принимаете?! Я не стану этого делать! Это же грязно, это… отвратительно!

Махар даже не разозлился на мою отповедь. Он лишь равнодушно пожал массивными плечами:

— Пальцем тебя не трону. Силой брать не приучен. Дело твое, Маша. Сиди на лавке, мерзни. И гоняй в мыслях дальше свои глупые сказки про людоеда.

Он отвернулся, больше не удостоив меня ни словом, ни взглядом.

Спокойно занялся своими рутинными делами: налил в таз колодезной воды, ополоснул руки, подрезал фитиль в керосинке, достал чистый холст. Он двигался размеренно, не давя, не уговаривая, словно забыл о моем существовании.

А я осталась сидеть на жесткой доске, чувствуя себя раздавленной.

За окнами творился сущий ад. Буран разгулялся вовсю — ветер с такой яростью бросал снег в рамы, что стекла жалобно звенели, а бревенчатые стены избы подрагивали от порывов.

Если бы не Махар, погибла бы я сегодня в этом лесу Данису на радость…

Я покосилась на узкую деревянную лавку. Вчерашняя ночь на ней отозвалась ноющей болью в пояснице и затекшей шеей. Тело ломило от усталости, веки слипались, больная нога ныла. Провести еще одну ночь, скрючившись на жестких досках на ледяном сквозняке от пола? Я просто сломаюсь!

А главное — тайна отшельника жгла меня изнутри. Страсть как хотелось узнать, что скрывает этот исполин! Что случилось здесь много лет назад? Почему он замуровал себя среди скал?

«Он ведь не тронет меня физически, — начала я лихорадочно договариваться с самой собой, кусая губы. — Сам сказал. Вчера он мог сделать со мной все что угодно, пока я спала, но даже пальцем не коснулся. Только ногу полечил. Он дикий, странный… но не насильник ведь».

И самое главное: отсюда я уеду. Закончится буран, он найдет мой рюкзак, выведет к дороге — и я навсегда забуду этот Медвежий Яр. Ни одна живая душа в городе никогда не узнает, что происходило в этой затерянной избе. Никто и никогда.

Махар задул керосинку.

Единственный огонек исчез, и избу затопил густой и вязкий мрак, прорезанный лишь алыми отблесками тлеющих в печи углей. Мужчина тяжело шагнул к широкому топчану у стены, снял свитер и опустился на матрас, повернувшись к комнате спиной.

— Ложись, где хочешь, — донесся из темноты его ровный, хриплый голос.

Я сидела в оцепенении еще несколько минут. Зубы стучали — то ли от холода, то ли от дикого, выворачивающего стыда.

«Ты сама этого захотела, Маша. Сама напросилась на правду и на эти постыдные условия».

Дрожащими, негнущимися пальцами я потянулась к молнии на джинсах, и они упали на лавку. Следом за ними, шурша, полетел свитер.

Я чувствовала кожей и знала наверняка — Махар не спал. Он лежал на топчане и чутко слушал каждое мое движение.

Оставшись в одном белье, замерла на секунду, борясь с паническим желанием одеться обратно… и, зажмурившись, расстегнула крючок бюстгальтера, сбросив последние преграды.

Кожа мгновенно покрылась ледяными мурашками. Я обхватила себя руками за плечи, чувствуя себя абсолютно беззащитной и уязвимой перед этим дикарем.

Бесшумно ступая босыми ступнями по холодным полови-

цам, я подошла к топчану.

В темноте

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.